

КОЕ-ЧТО О РУССКИХЪ ПОЭТАХЪ,

Г. Н. Геннади.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ, узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 19 Марта 1859 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

БОЕ-ЧТО О НАШИХЪ ПОЭТАХЪ.

Мы часто читали въ своихъ и въ иностранныхъ журналахъ рассказы о томъ какъ пишутъ, писали и чѣмъ вдохновлялись разныя европейскія литературныя знаменитости. Мы знаемъ, что у Жоржа Занда кабинетъ весь обитъ чернымъ; что Жюль Жаненъ имѣетъ даръ писать въ комнатѣ полной болтающими его знакомыми и т. п.—Литературные сплетники, собиратели новостей, предатели-друзья слѣдятъ за писателями, подмѣчаютъ ихъ привычки, ловятъ ихъ на дѣлѣ, во время творчества и писанія и потомъ все это рассказываютъ въ журналахъ и журнальчикахъ на весь читающій по-французски мiръ. Отъ нихъ мы узнали, что есть литераторы пишущіе не иначе, какъ лежа ничкомъ на коврѣ, и что другимъ никогда не придетъ ни одного стиха въ голову, если они не лежатъ на диванѣ, вздравъ ноги выше уровня туловища. Англійская публичность тоже помогаетъ этому разглашенію домашнихъ обычаевъ писателей. У

англичанъ есть біографіи образцовыя по обстоятельности до мелочей. Въ Германіи литературныя біографіи и характеристики тоже очень подробны и щепетильны, но нѣмцы обыкновенно выжидаютъ смерть своихъ знаменитостей и тогда тотчасъ образуется цѣлая литература о писателѣ. Не прошло года по смерти Гейне, какъ появились четыре книги о немъ. Впрочемъ, долго умиравшаго Гейне не оставляли въ покоѣ и при жизни его. Каждый пишущій нѣмецъ, бывшій въ Парижѣ, считалъ обязанностью описать свое свиданіе съ Гейне, или рассказать о немъ по слухамъ.

Всѣ эти тайны жизни поэтовъ, закадышныя разговоры, подробности быта ихъ, черты нравственной ихъ фізіономіи, сплетни о нихъ — все это читается съ любопытствомъ. Многимъ изъ насъ, обыкновеннымъ смертнымъ, которымъ не только не удавалось произвести двухъ складныхъ стиховъ, но даже не случалось въ-время придумать рифму въ мазуркѣ, намъ чрезвычайно интересно знать, какъ это пишутъ люди стихами, какъ они приходятъ въ восторгъ, какъ это слетаетъ къ нимъ вдохновеніе и что съ нимъ происходитъ въ это время? У всякаго писателя своеобразный способъ творчества, свои приемы въ работѣ и особыя привычки. Иногда извѣстныя обстоятельства и обстановка помогаютъ этому творчеству и подстрекаютъ воображеніе. Все это любопытно, особенно для нестихотворцевъ.

Мы, какъ извѣстно, бѣдны біографіями нашихъ писателей и тѣ біографіи, какія имѣемъ, бѣдны

извѣстіями особенно о внутренней, духовной жизни лицъ, о домашнемъ ихъ бытѣ, привычкахъ, Рѣдко наши біографы дарятъ насъ страницю, гдѣ-бы лицо, ими описываемое, являлось передъ нами по домашнему, въ халатѣ. О современныхъ людяхъ и ихъ житьѣ-бытьѣ мы писать откровенно не можемъ, а о прежнихъ имѣемъ или только литературныя монографіи, составленныя по книгамъ, или немногія записки и воспоминанія, которымъ мы хоть и должны дорожить, какъ рѣдкостью, но черезъ которые предметъ иногда виднѣется довольно тускло... Но будемъ довольны малымъ и чѣмъ въ сотый разъ говорить о знаменитостяхъ запада, постараемся допросить нашихъ біографовъ о томъ, какъ писали нѣкоторые изъ нашихъ поэтовъ и передадимъ эти отрывочныя черты ихъ творчества и воображенія. Соберемъ хоть кое-что, можетъ, и это небольшое покажется не лишнимъ и стоящимъ прочтенія.

Изъ жизнеописаній *Капниста* узнаемъ, что онъ былъ очень лѣнивъ, какъ настоящій малороссъ и большею частію писалъ лежа на постелѣ, увѣряя, что это самое естественное положеніе челоуѣка.

Костровъ искалъ вдохновенія въ горькой чашѣ.

Державинъ. Ужь если кого изъ нашихъ поэтовъ представлять себѣ бардомъ, бряцающимъ на лирѣ; со взорами обращенными горе, такъ это его. *Ө. П. Львовъ*, родственникъ его, рассказываетъ *), что

---

*) Львова, Объясненіе на сочиненія Державина, (СПб 1834), стр. 3.

первая мысль написать оду *Богъ* ему пришла въ 1780 году, когда онъ былъ во дворцѣ, у все-нощной, въ 1-й день Пасхи; по прїѣздѣ домой написалъ онъ нѣсколько строкъ, которыя такъ и остались безъ продолженія за суетою, городскою и служебною. Долго ему не было досуга написать оду. Наконецъ онъ съѣздилъ въ Нарву, сказавъ женѣ, что ему нужно осмотрѣть польскія его деревни. Тамъ нанялъ онъ комнату со столомъ у одной старушки нѣмки, заперся и писалъ эту оду нѣсколько дней сряду. «Но не окончивъ послѣдняго куплета, (что было ночью), уснуль предъ свѣтомъ; увидѣвъ во снѣ, что блещетъ свѣтъ въ глазахъ его, проснулся; въ самомъ дѣлѣ, воображеніе его такъ разгорячено было, что, казалось ему, вокругъ стѣнъ бѣгалъ свѣтъ, и съ симъ вмѣстѣ появились потоки слезъ изъ глазъ его. Онъ всталъ, при освѣщающей лампадѣ написалъ послѣднюю строфу, окончивъ тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ проливалъ онъ благодарныя слезы за тѣ понятія, которыя ввѣрены ему были.»

Державинъ умѣлъ себѣ составить пріятный домашній кругъ пріятелей, еще при первой женѣ своей, которую очень любилъ. Къ нему собирались: Хемницеръ, Капнистъ, Львовы, А. С. Хвостовъ, Нелединскій, Оленинъ и другіе. Тутъ были и любители музыки и художествъ. Читали, судили, спорили, играли и пѣли. Часто подъ шумокъ бесѣды, или при звукахъ пѣнія вдохновлялся нашъ поэтъ и ходя скорыми шагами по комнатѣ и подъ влія-

ніемъ говора и шума этого кружка сочинялъ много пьесъ *).

И. И. Дмитріевъ познакомился уже съ 50-лѣтнимъ Державинымъ. Вотъ что читаемъ между прочимъ въ его запискахъ **):

«Державинъ при всемъ своемъ геніи съ великимъ трудомъ поправлялъ свои стихи. Онъ снисходительно выслушивалъ совѣты и замѣчанія; охотно брался за передѣлку стиха, но рѣдко имѣлъ въ томъ удачу. Вездѣ и непрестанно вниманіе его обращено было къ поэзій. Часто я заставлялъ его стоявшимъ неподвижно противъ окна и устремившимъ глаза свои къ небу. Что вы задумались? однажды спросилъ я. «Любуюсь вечерними облаками» отвѣчалъ онъ. И чрезъ нѣкоторое время послѣ того вышли стихи: *Къ дому любящему ученіе* (къ семейству графа Строганова), въ которыхъ онъ впервые назвалъ облака *краезлатыми*. Въ другой разъ замѣтилъ я, что онъ за обѣдомъ своимъ смотритъ на разварную щуку и что-то шепчетъ; спрашиваю тому причину: «я думаю, сказалъ онъ, что еслибы случилось мнѣ приглашать въ стихахъ кого-нибудь къ обѣду, то при исчисленіи блюдъ, какими хозяинъ намѣренъ потчевать, можно бы сказать, что будетъ и *щука съ голубымъ перомъ*.» Мы чрезъ годъ или два услышали этотъ стихъ въ его посланіи къ князю А. А. Безбородкѣ.

---

*) Львова, объясненія стр. 26.

**) Москвитянинъ 1842 № 1, стр. 153.

Объ лирикѣ *Василій Петровъ* вотъ что говорить его біографъ *):

«Во время бесѣды съ гениемъ онъ углублялся въ предметъ свой до того, что ничего не примѣчалъ происходившаго предъ собою; въ такомъ положеніи дня три ходилъ взадъ и впередъ по горницѣ. Дѣйствіе страсти изображалось тогда на лицѣ его; печальное содержаніе описываемаго имъ предмета исторгало изъ глазъ его слезы. Въ се время сонъ его, который былъ всегда кратокъ, дѣлался слабѣе. Петровъ, исполненный своего сочиненія, не рѣдко посвящалъ цѣлительному успокоенію не болѣе одного часа и потомъ снова принимался за трудъ свой, такъ что, казалось, онъ сочинялъ и въ самомъ снѣ.»

Біографъ выставилъ поэта слишкомъ ярко. Восторженное состояніе это, длившееся такъ долго, вело къ напышеннымъ, холоднымъ одамъ, согрѣтымъ иногда только сильнымъ патріотизмомъ.

Акимъ Нахимовъ, сатирикъ и баснописецъ, имѣющій свой и немалочисленный кругъ читателей и почитателей, что доказывается частымъ изданіемъ его стиховъ, является намъ, какъ и Капнистъ, лѣнтяемъ-малороссомъ. Объ немъ мы имѣемъ свидѣтельства знавшаго его Масловича **):

«Кабинетъ его и спальную составляла одна маленькая горница, которая была столицею безпорядка и богатымъ предметомъ для живописца, же-

---

*) Въ Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія 1830, № 1.

**.) Память о Нахимовѣ, СПб. 1818 8.

лающаго изобразить въ карикатурѣ жилище ученаго! *) На столѣ, подъ столомъ, на окошкахъ, въ углахъ, на постелѣ, и по всему полу были разбросаны кучи книгъ, развернутыхъ, измятыхъ, свидѣтельствующихъ о безопасности, незаботливости и о пріятномъ *неглиже* хозяина, котораго по большей части заставляли занимающагося чтеніемъ, *по студентски*, т. е. лежащаго на постелѣ. Когда же онъ приходилъ въ такъ называемый поэтическій восторгъ, или располагался писать, то приказывалъ, ежели это случалось днемъ, закрыть окна, подать свѣчу и запершись, начиналъ бесѣдовать съ музами. Тогда вся вселенная была имъ забыта; стопушечный залъ не могъ бы прервать занятій поэта; а по сему шумъ и стукъ навѣщавшихъ въ сіе время товарищей его, были безуспѣшны.» Въ послѣдствіи, онъ черпалъ жаръ поэтическій въ источникъ, который свелъ его въ могилу....

Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукой, поэтъ-селадонъ старыхъ временъ, котораго стихи такъ нравились по легкости и игривости нашимъ бабушкамъ, любилъ женщинъ и ими преимущественно вдохновлялся, имъ писалъ мадригалы и пѣсни.

О женщины! лишь васъ съ пристрастіемъ

люблю,

За васъ, для васъ, по васъ, — я многое

стерплю!

Муза бесѣдовала съ нимъ въ тиши уединенія.
«Одинъ изъ отличительныхъ признаковъ поэта,»

---

*) Нахимовъ былъ харьковскій студентъ.

говорить его біографъ *), склонность къ уединенію, столь благопріятствующему мечтательности; эта черта была и въ характерѣ князя Долгорукова, не смотря на то, что онъ любилъ разсѣяніе, веселости, и шумъ народной. Въ обыкновенномъ житейскомъ человѣкѣ мы назвали бы это непостоянствомъ; но смѣю утверждать, что въ поэтѣ это происходитъ отъ способности души быстро переходить отъ одного впечатлѣнія къ другому, часто противоположному, отъ живой пріемлемости впечатлѣній и отъ живости фантазіи, требующей разнообразной пищи, и для ума, и для сердца. Деревня князя Долгорукова находилась недалеко отъ города Шуи. Тамъ на рѣчкѣ Рпѣни, на берегу противоположномъ городу, устроена была лижина, въ которой поэтъ, въ свободные дни отъ службы, любилъ по нѣскольку часовъ въ день предаваться совершенному уединенію: тамъ онъ читалъ, мечталъ и писалъ стихи.»

Измайловъ А. Е. баснописецъ въ своемъ *Благонамѣренномъ* самъ рассказываетъ о себѣ **) слѣдующее. «Отъ бессонницы многіе совѣтуютъ читать дурные стихи. Часто страдаю этою болѣзнію; но не читаю въ это время дурныхъ стиховъ, а самъ пишу стихи, дурные и хорошіе, какъ случится. Какое удовольствіе бодрствовать тогда, когда всѣ спятъ, и безмолвно бесѣдовать въ потемкахъ съ музами. Полежишь, полежишь, понюхаешь

---

*) М. Дмитріевъ, въ *Москвитянинѣ* 1851, № 1, стр. 285.

**) См. статью о немъ А. *Галахова*, въ *Современникѣ* т. 44, отд. III, стр. 56.

табачку, да и вскочишь съ постели, чтобы зажечь свѣчку и записать четыре или пять стиховъ. Не поспишь ночь, и готовы двѣ или три эпиграммы, мадригалъ, либо какіе нибудь стишки въ альбомъ. Не поспишь ночи двѣ, три сряду и вступишь въ собраніе собственныхъ своихъ стихотвореній новую басню или сказку»!...

«Писалъ стишки онъ въ часъ досуга», говоритъ въ его надгробіи.

Мы куда имѣемъ только отрывки изъ записокъ *И. И. Дмитріева* и еще не знакомы съ нимъ коротко. Но племянникъ его М. Дмитріевъ, въ «Мелочахъ изъ запаса моей памяти» (м. 1854) сохранилъ намъ многія черты его личности и рассказалъ нѣсколько анекдотовъ, — изъ коихъ узнаемъ *), что Дмитріевъ любилъ писать въ тиши деревенскаго уединенія и что его одушевляла природа. Лучшія произведенія онъ написалъ въ деревнѣ, близъ Сызрани, гдѣ жилъ во время отпусковъ изъ гвардейской службы. «Планъ Ермака обдумывалъ онъ, играя въ шашки, съ однимъ гостемъ своего отца» — Въ *Мелочахъ* читаемъ далѣе: «Когда онъ рисовалъ въ воображеніи картину, которую намѣревался представить въ стихахъ, онъ имѣлъ привычку обдумывать всѣ ея части и подробности, и спрашивать себя: могъ-ли бы ихъ изобразить на полотнѣ живописецъ? — Только въ такомъ случаѣ онъ призналъ картину достойною кисти поэта.

---

*) Мелочи стр. 83.

Д. Давыдовъ писалъ, не думая о печати и словѣ, писалъ, потому что писалось, — а печатали его пріятели. Его біографъ говоритъ *): «большая часть стиховъ его пахнетъ бивуакомъ. Они были писаны на привалахъ, на дневкахъ, между двухъ дежурствъ, между двухъ сраженій, между двухъ военъ; это пробныя почерки пера, чинимаго для писанія рапортовъ начальникамъ, приказаній подкомандующимъ».

Первое стихотвореніе *Жуковского*, обратившее на него вниманіе публики, — переводъ *Сельскаго кладбища* Грея, написано имъ было въ 1802 г., въ живописномъ селѣ Мишенскомъ (подъ Бѣлевымъ) «на холмѣ возлѣ церкви». Въ деревенской тиши написаны лучшія произведенія его молодости и природа вдохновляла его. Въ 1805 писалъ онъ:

«Мнѣ рокъ судилъ брести невѣдомой стезей,
«Быть другомъ мирныхъ селъ, любить красы природы,
«Дышать подъ сумракомъ дубравной тишиной,
«И взоръ склонивъ на пѣнны воды,
«Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать».

Въ тихій утра часъ, «онъ лиру соглашалъ съ свирѣлью пастуховъ и пѣлъ свѣтила возрожденъ». Военная жизнь и 1812 годъ настроили эту лиру на другіе звуки, на Пѣснь въ станѣ русскихъ воиновъ. Но природа всегда живительно дѣйствовала на поэта и когда онъ наслаждался ея преле-

---

*) Сочиненія Давыдова, изд. А. Смирдина, стр. XXIII.

стями въ Швейцаріи онъ написалъ лучшіе поэмы свои. Оттуда разъ писалъ онъ: «хочу, у подошвы горъ, посидѣть на томъ низкомъ холмикѣ, на коемъ стоялъ нашъ Мишенскій домъ съ своею смиренною церковью, на коемъ началась моя поэзія Греевой элегіею».

Это онъ писалъ г-жѣ Зонтагъ, около 1833, прося у нея присылки одной изъ ея повѣстей, напоминавшихъ ему молодость. Тамъ-же онъ писалъ первыя главы Ундины, которая окончена впоследствии тоже въ сельскомъ уединеніи, лѣтомъ, близъ Дерпта.—Греева элегія, переведенная въ Мишенскомъ, снова была передѣлана когда Жуковскій увидѣлъ близъ Виндзора самое кладбище, вдохновившее Грея.

Батюшковъ —

«Пѣлъ, мечталъ, подъ часъ стихами,
Горестъ сердца услаждалъ,
Шлъ отъ льни и досуга

въ своей «хижинѣ», которую такъ живописно изобразилъ *)

Сладкогласнаго и нѣжнаго Батюшкова, переводчика италіанскихъ поэтовъ, вдохновляла не только Италія и югъ, но и сѣверная природа.

Но тамъ-ли, гдѣ всегда роскошная природа
И раскаленный Фебъ съ безоблачнаго свода
Обліемъ поля счастливыя дарить,
Таланта колыбель и область Піеридъ?

---

*) Мои Пенаты. См. Соч. Батюшкова.

Нѣтъ! нѣтъ! И въ сѣверѣ любимецъ ихъ не дре-
летъ:

Но гласу громкому самой природы внемлетъ.
Свершая славный путь, предписанный судьбой
.....

Такъ, свѣше нѣжною душою одаренный,
Питъ, отъ юности до серебряныхъ власовъ
Лелѣетъ въ памяти страну своихъ отцовъ,
На жизненномъ пути ему даруетъ геній
Неизсякаемый источникъ наслажденій
Въ замѣну счастья и скудныхъ міра благъ;
Съ нимъ муза тайная живетъ во всѣхъ мѣстахъ.
И въ мірѣ дивный міръ любимцу созидаетъ....

Эта память родины, эти неизгладимыя впечат-
ленія знакомыхъ мѣстъ и людей, эта невольная
привязанность къ своему поприщу молодости —
заставляла *Языкова* на берегахъ рейна описывать
Волгу, а Гоголя въ Италіи изображать такъ вѣр-
но его Россію....

Мы вспомнили *Языкова*. Читая большую часть
его стихотвореній надо думать, что его только и
вдохновляло вино, да дѣвы но не пермесскія, да
забубенныя пѣсни студентовъ.

Послушайте напримѣръ, что поэтъ вамъ раз-
сказываетъ:

Восхитительно играетъ
Драгоцѣнное вино!
Снѣжной пѣною играетъ,
Златомъ искрится оно!
Услаждающая влага
Оживитъ тебя всего:
Вспыхнуть радость и отвага
Блескомъ взора твоего;

Самобытными мечтами
Загуляетъ голова,
И, какъ волны за волнами,
Изъ души польются сами
Вдохновенныя слова....

Кажется такъ! но поэтамъ не всегда надо и можно вѣрять. Намъ, не добравшимся до вершинъ Геликона и не черпавшимъ вдохновенія въ винѣ, кажется, что для того, чтобы написать стихи складно и ладно, прежде всего надо быть трезвымъ. И когда

Чудно пьянствуетъ поэтъ! —
онъ пишетъ не стихи, а вензеля — ну, хоть своей милой. Бѣлинскій въ критикѣ своей о стихахъ Языкова, основательно замѣтилъ, что въ то время были входу поэтическія идеализаціи своей особы. Онъ говоритъ: «вообще о нравственности тогдашнихъ поэтовъ отнюдь не должно заключать по ихъ стихамъ въ честь вину и пьянству: въ этомъ случаѣ, они *реторически* налыгали на себя небывальщину». — Сладострастные его стихотворенія точно также далеки отъ дѣйствительности, отъ впечатлѣній жизни большею частію.

То играло сновидѣнье,
Безтѣлесная мечта!

Поэзія его была тогда поэзіею молодости. Когда вышли его стихи, Пушкинъ сказалъ: «зачѣмъ онъ назвалъ ихъ стихотвореніями Языкова? ихъ бы слѣдовало назвать просто: хмѣль!» *).

---

*) (См. статью Гоголя о Языковѣ въ его перепискѣ съ друзьями.

Тригорское и свиданіе съ Пушкинымъ сильно вдохновили Языкова. Онъ самъ говоритъ — «не нахожу во всей моей жизни ничего подобнаго красотою нравственною и физическою, ничего пріятнѣйшаго и достойнѣйшаго сіять золотыми буквами на доскѣ памяти моего сердца, — нежели мѣсто 1826 года!» *)

Москва, лѣтъ черезъ десять послѣ дерптской жизни, дала поэту другое настроеніе, болѣе высокое и онъ написалъ тамъ нѣсколько пьесъ, въ трезвомъ вдохновеніи, великолѣпныхъ по выраженію и полныхъ поэтическими картинами и идеальными стремленіями. Но всѣ они чужды общественнымъ интересамъ и движеніямъ и въ этомъ выразился образъ жизни поэта, въ дали отъ свѣта, въ тѣсныхъ кружкахъ, въ странствіяхъ и вдали отъ столицъ. — Заграницею, гдѣ онъ лечился, особенно въ Римѣ, онъ былъ боленъ и скученъ, и это состояніе его отразилось и въ стихахъ его, тамъ писанныхъ. Тогда уже жизнь и болѣзнь измѣнили его, и прежніе хмѣльные и буйные порывы являлись въ отдѣльныхъ стихахъ, какъ отголосокъ юношескихъ воспоминаній.

О томъ какъ писали Пушкинъ и Гоголь, намъ многое передалъ П. В. Анненковъ **), изучившій процессъ ихъ творчества, Пушкина — по рукописямъ его, а Гоголя — во время знакомства съ нимъ.

---

*) Соч. Языкова, изданіе 1858, т. I. стр. V.

***) См. матеріалы для біографіи Пушкина и Воспоминанія о Гоголѣ, въ Библіотекѣ для Чтенія 1857 года.

Все это еще въ памяти читателей и потому неза-
чѣмъ представлять выписокъ.

Кольцова воодушевляла южно-русская природа, особенно степь. Скитаясь по ней съ гуртомъ скота, онъ написалъ нѣсколько пьесъ ей посвященныхъ. Складывать стихи онъ началъ прочитавъ Дмитріева, котораго сочиненія случайно какъ-то купилъ. Когда ему было 17 лѣтъ, онъ влюбился и вотъ явился новый родникъ пѣсней, которыя теперь подтягиваетъ вся Русь.

Музыка также сильно дѣйствовала на него и вызывала слагать стихи. «Однажды въ Москвѣ, въ концертѣ, слушая игру Серве, онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Тотчасъ послѣ концерта онъ выбѣжалъ въ другую залу, и тамъ экспромтомъ написалъ въ своей записной книжкѣ стихотвореніе: «Миръ Музыки» *).

---

*) Статья о немъ, *Юдина*, въ *Опытахъ* въ сочиненіяхъ студентовъ Харьковскаго университета, т. I. стр. 223.

Г. Геннади.

